

Утро вечера мудренее. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bykovvasil.ru/> Приятного чтения!

Утро вечера мудренее. Василий Владимирович Быков

1

Он лежит на скамье в простенке между двумя окнами с безжизненным восковым лицом, на котором уже ни движения, ни мысли, лишь подобие какой-то неопределенной тупой гримасы, делающей его лицо незнакомым и странным. Омертвевшие в своей неподвижности, его руки сложены кистями на животе поверх неподпоясанной суконной гимнастерки с двумя эмалевыми шпалами в полевых петлицах. Ордена с гимнастерки уже свинчены, и над карманами остались лишь две небольшие дырочки, тронутые по краям ржавчиной, которая издала кажется следами крови. Слегка раздвинутые ноги в аккурратно натянутых шерстяных носках выглядят не по-мужски маленькими и худыми.

– Ну, посмотрел? – поворачивается ко мне старшина комендантского взвода, тем давая понять, что нам пора уходить.

Насунув на голову шапку, я осторожно, чтобы не нарушить тишины этой хаты, открываю дверь. Закрыть ее с моей раненой, подвешенной на груди рукой не очень удобно, и старшина закрывает дверь сам.

На дворе морозно и солнечно. Над леском за деревней валит в небо сизый дым от пожара, где-то погрохатывают разрывы мин; забравшись высоко в небо, нудно гудит немецкий разведчик-рама. Но это все там, в стороне передовой за лесом, здесь же, в полуразрушенной фронтовой деревушке свои дела и свои заботы. На улице с какой-то укрытой брезентом поклажей стоят несколько повозок, и обозники в поисках пристанища, переговариваясь, бегают по дворам. В этот двор они только заглядывают через ограду и, ничего не спросив, бегут прочь. Здесь делать им нечего. Впрочем, меня тут тоже ничего уже не держит, но я еще не решил, куда идти дальше и, остановившись, отчужденно наблюдаю, как два бойца из комендантского взвода на снегу у сарая сколачивают гроб. Бойцы молодые и, видно, впервые взялись за такое не очень привычное даже на войне дело, которое у них явно не ладится.

– Да держи ты! Безрукий, что ли! – один солдат нервно пинает короткий обрезок доски, в который он намеревается забить гвоздь.

– Держу! Не ори, крикун!

Гвозди, конечно, из проволоки, они гнутся под молотком и не лезут в твердое сучковатое дерево. «Крикун», стоя на коленях, кое-как приколачивает доску и, отложив молоток, озабоченно осматривает свою работу.

– Ну вот! А ширины такой хватит?

– Примерить бы надо, – говорит напарник, белобрысый и синеглазый, в шапке с растопыренными наушниками, с которых свисают жеванные тесемки завязок. Однако идти в избу, где лежит убитый, никому из них, видно, не хочется, и «крикун» машет рукой. Поднявшись на ноги и скинув с себя телогрейку, он неловко вытягивается в недоделанном, без одной стенки гробу.

– Ну-ка гляди. Хорошо?

– Хорош. Будто широковат даже.

– А ты померь. Зачем лишнее?

Светлоглазый деловито отмечает на торце место для боковых досок, а я уже не могу тут оставаться. Мне все время хочется куда-то идти. Конечно, надо добираться в санбат, но машины будут еще не скоро: только что отправили тяжелых, а легкораненым, видно, придется ждать до обеда.

Не находя, чем занять себя и чтобы как-нибудь скоротать время, я медленно бреду по деревенской улице к школе, где роют могилу. Мне одиноко и горестно, очень болит рука. После бессонной ночи временами познабливает, и в глазах неотвязно мельтешат обрывки вчерашних событий, звучат голоса людей, которых уже нет и никогда больше не будет.

Да, вчера все было иначе...

2

На исходе дня взвод автоматчиков занял хутор.

Занял легко, с ходу, почти без боя; несколько немцев, кажется, ни разу не выстрелив, убежали по санной дороге в село, и мы, постреляв им вдогонку, разошлись в цепь и легли на снегу за изгородью – в пятидесяти шагах от хаты с сараями.

Мы не стали наступать дальше, так как и без того, похоже, оторвались от боевых порядков полка, бой – слышно было – шел справа и сзади, где на высотах дрались наши батальоны. Тяжелые мины, с визгом проносясь над головами, перепыхивали там снежное поло, иногда слышалось ослабленное расстоянием, разрозненное, какое-то

Утро вечера мудренее. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru неуверенное «ура», пулеметно-ружейная трескотня заглушала его, и крики совсем пропадали. Не надо было обладать большим опытом, чтобы понять, какой ценой доставались полку высоты. Нам же тут, под носом у немцев, как это ни странно, было спокойно.

Я лежал на снегу с внутренней стороны изгороди за перевернутым кузовом пароконной немецкой повозки и, возбужденный еще не остывшей радостью от сравнительно легкого успеха, чувствовал себя почти счастливым. Время от времени, выглядывая из-за засыпанного снегом ящика и вслушиваясь в грохот недалекого боя, я старался заметить в нем хоть какой-нибудь признак того, что немцы отходят, но ничего заметить не мог. Тогда появилось предположение, что, может, так еще и лучше: держаться тут на этом мыску, в общем, было нетрудно, и в то же время это был мысок, глубоко вдавшийся в оборону противника, что уже само по себе свидетельствовало об исключительности нашей позиции. Шло время, у нас было спокойно, и честолюбивые представления все настойчивее стали завладевать моим сознанием. Я уже видел, как на КП всегда злой, раздраженный боем командир полка, имея в виду хутор, говорит сейчас начальнику штаба: «Молодец этот автоматчик, вишь, вклинился куда!» Или, может, даже покрикивает в трубку на нашего соседа комбата-три: «Что там топчешься! Вон автоматчики хутор взяли. На них равняйся!» Впрочем, я был бы доволен, если бы он даже не сказал, а хотя бы подумал про меня что-нибудь вроде: «Молодец младшой! Не из трусливого десятка!»

Храбрый я или трус – о том мне, впрочем, еще самому было неизвестно. За довольно скромный срок моей фронтовой службы мне не представлялось еще случая как следует проверить себя на это. Еще два дня назад каждый визг мины над головой заставлял меня сжиматься, вдавливаясь всем телом в снег. Прошел не один час, прежде чем я понял, что мины все-таки идут мимо, и как-то незаметно для себя стал привыкать. К тому же я стеснялся моего помкомвзвода сержанта Хозяинова, широколицего человека с неторопливыми манерами, который был вдвое старше меня, и всякий раз, когда я, тщетно подавляя испуг, все-таки вздрагивал, он будто невзначай бросал:

– Ничего, мимо...

Я и сам знал, что мимо, и, чтобы загладить неловкость, запоздало, без надобности высовывался из придорожной канавы, в которой мы лежали тогда в ожидании атаки. Но что я мог сделать, если мое тело само, независимо от воли именно так бесстыже-предательски реагировало на каждый вполне ожидаемый и всегда совершенно внезапный разрыв. И это, даже не глядя в мою сторону, замечал всевидящий сержант Хозяинов.

– Ничего, лишь бы до ночи...

Он и тут, кажется, угадывал мои мысли и, посасывая из рукава махорочную самокрутку, тоже прислушивался к громоханию боя сзади. На сержанте был новый еще, комсоставский полушубок с вырванным клоком на левой лопатке, валенки на ногах; рукавиц он, сдается, не носил вовсе, согревая руки сигаркой. Похоже, ему было тепло. Я же в своей «на рыбьем меху» шинельке уже начал стыть на снегу и, обернувшись, пригляделся к постройкам – вросшей в снег хате и покосившимся сараюшкам со снежными шапками на стрехах. Жителей там вроде не было, хутор выглядел давно покинутым, но все же там, казалось, теплее, чем здесь, на ветряном прибое под его стенами. Хозяинов сразу среагировал на мое невольное беспокойство, выглянул из-за кузова и, завидя бойца, что был ближе других в цепи, негромко окликнул:

– Маханьков! Слышь – посмотри-ка там...

Как ни странно, Маханьков сразу понял намек, с готовностью исправного солдата быстро развернулся и, усердно разгребая локтями снег, пополз через двор к крыльцу.

– Ночью обогреемся. Не может быть, – будто желая утешить меня да, наверное, и себя тоже, сказал Хозяинов, смачно затягиваясь сигаркой.

Да, ночь нам была нужна, я чувствовал это, ночью мы могли тут просидеть, а утром... Впрочем, мои помыслы не шли дальше ночи, утро было необыкновенно далеким и совершенно неопределенным – мало ли что могло быть утром.

Тем временем постепенно темнело, меркло низкое, серое, как вата из телогрейки, небо. За снежным полем вдали едва проступали из сумерек темные крыши домов в селе, дым от пожара в той стороне совсем слился с мраком и не различался в небе. Только ровненький ряд столбов у дороги на фоне снежной серости еще просматривался почти до села. Мины над хутором, кажется, стали визжать чуть пореже. Судя по притихающей стрельбе сзади, можно было заключить, что бой к ночи кончался, так и не принеся нужного успеха полку. Пожалуй, действительно нам предстояло тут коротать ночь в полуокружении.

Ну что же, мне от того почему-то не было особенно тревожно. Хотя мы и оказались в полуколяске, но зато ушли с глаз начальства, которое за три дня наступления прямо-таки загоняло взвод автоматчиков. Даже Хозяинов стал роптать. В общем пока получалось по пословице: нет худа без добра, а будет ли добро без худа, нам еще

Утро вечера мудренее. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
предстояло увидеть.

Мы еще полежали несколько времени. К ночи стало холоднее, мороз усиливался. Бойцы, не дожидаясь команды, начали орудовать лопатками – рыли в снегу ячейки – для защиты от огня, а больше – чтобы согреться, потому что нет ничего хуже неопределенного праздного ожидания, этого верного пособника холода. Думая о разном, я все ждал Маханькова, который должен приползти и сообщить о результатах своей разведки. Но из хаты долетел его голос:

– Товарищ сержант! Товарищ сержант Хозяинов!

Голос был не совсем обычный – вроде встревоженный и радостный одновременно, мы враз обернулись и увидели высунувшееся из-за косяка в дверях оживленно-улыбающееся лицо бойца:

– Идите сюда.

– Что там еще такое?..

Хозяинов помедлил, бросил угрюмый, все замечающий взгляд в поле. Но Маханьков многозначительно ждал, и сержант, подхватив свой автомат, быстренько побежал пригнувшись. Сначала он протрусил под изгородью, а потом вдоль стены дома и наконец перевалился через порог. Маханьков прикрыл дверь.

Опять потянулось время.

Впрочем, на этот раз они там безмолвствовали недолго, и в темном проеме дверей опять показалось загадочно-оживленное лицо Маханькова.

– Товарищ младший лейтенант, помкомвзвода завуть.

Секунду я боролся с сознанием того, что не надо бы уползть отсюда, хотя и было тихо, но все-таки на поле боя негоже было оставлять взвод без присмотра. Но опять же, если звал Хозяинов, значит, причина этого вызова, видно, была вполне уважительной.

Извозившись в снегу, я дополз до порога и вскочил в сени, настезь раскрытая дверь из которых вела в горницу. От прежних жителей тут мало что и осталось, пол был застлан слежалой соломой, у порога в беспорядке валялось несколько ящиков из-под боеприпасов. Ни стола, ни кровати здесь не было – видно, на хуторе хорошо похозяйничали немцы. Посередине избы на коленях стоял Хозяинов, наклоня к окну термос, он старался что-то в нем разглядеть.

– Лейтенант, вот трофей обнаружили, – взглянув на меня, сообщил помкомвзвода.

– Термос?

– Не термос. В термосе.

Без особого любопытства я тоже заглянул в луженое нутро термоса, где до половины налитая колебалась, отражая окно, какая-то жидкость.

– Шнапс?

– Водка. Наша, родимая. Русско-горькая.

Признаться, я слегка разочаровался. Не то чтобы я не пил вовсе, но никогда не чувствовал к выпивке особенного пристрастия. Гораздо с большей радостью я отнесся бы к находке чего-нибудь из съестного. А то – водка! Пить ее у меня не было ни малейшего желания – я хотел есть.

– Давай погреемся, лейтенант, – сказал Хозяинов. – Пока суд да дело. Маханьков, у тебя была кружка.

Маханьков стащил со спины свой тощий вещевого мешок и вынул из него алюминиевую кружку с двойной ручкой на плоском боку.

– Та-ак! Сейчас мы того... Только я первый. Мало ли что...

По правде, все это мало мне нравилось, но какая-то уважительная нерешительность перед старшим, более опытным на войне человеком не позволяла настоять на своем. Хозяинов же явно радовался находке, крупные черты его обветренного, нечасто бритого и давно немолодого лица разгладились, глаза оживились и подобрили. Вытерев ладонью дно кружки, он бережно зачерпнул ее из термоса, при скупом свете из выбитых окон еще раз вгляделся в жидкость и сделал один глоток.

– Наша, наркомовская.

– Напрасно вы, – неуверенно начал я, но тотчас примолк под твердым взглядом моего помкомвзвода.

– Как напрасно? Вы что? Не хотите? Маханьков, давай флягу. Мы ее сейчас...

Маханьков торопливо отвязал от ремня стеклянную, в матерчатом чехле флягу, при виде которой Хозяинов недовольно хмыкнул:

– Лучшей не мог достать? Вояка...

Фляга действительно была не бог весть какой прочности, и помкомвзвода, прежде чем наполнить ее, повертел посудину в руках, заглянул вовнутрь, даже понюхал. Затем зачерпнул кружкой из термоса и стал бережно, тоненькой струйкой переливать водку.

– Слетай-ка к хлопцам. Еще фляг пяток надо.

Маханьков вскочил на ноги, но только переступил порог, как где-то в сумерках зимнего вечера над хатой раздался короткий оглушительный треск. От неожиданности

Утро вечера мудренее. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru мне показалось даже, что это Маханьков нечаянно запустил из автомата. Но в следующее мгновение треск повторился, из окна со звоном вылетело единственное там стекло, где-то вблизи грохнул взрыв, и тотчас мелкой и частой россыпью затрещали окрест автоматные очереди.

Сначала мы все попадали на солому, потом Хозяинов, выругавшись, метнулся к окну, я бросился к другому, но запнулся о термос и снова упал, выронив автомат. Только я успел ухватить оружие, как Хозяинов у окна неестественно выпрямился и с какой-то странной медлительностью стал поворачиваться в мою сторону. Лицо помкомвзвода странно изменилось: нижняя челюсть мелко задергалась, глаза расширились, зрачки ушли вниз. Так, медленно распрямившись и не сказав ни слова, он вдруг всем телом рухнул к моим ногам на солому.

В совершенной растерянности я не мог понять, что происходит.

Где-то в подсознании даже мелькнула мысль, что помкомвзвода шутит, но, кажется, было не до шуток. Упав рядом, я схватил его за плечи и повернул на спину. Белый воротник его полубрюка был залит кровью. Кровь и пузыристая розовая пена били из двух пулевых ран на шее, как раз по обе стороны глотки. Я вырвал из кармана брюк перевязочный пакет и трясущимися руками начал обматывать бинтом его шею. Снаружи вовсю гремел бой, было отчетливо слышно, как пули с глухими шлепками вонзались в стены, кто-то пробежал рядом, кто-то кричал. В сумеречном пространстве за окном то и дело сверкали близкие трассы. Мне надо было быть там, я всем существом чувствовал, что случилась беда, и, едва завязав концы бинта, бросился к двери.

В это время кто-то вскочил на крыльцо.

Это был немец в каске и неподпоясанной длиннополой шинели, с полуоторванным погоном на плече; в полумраке сеней он, наверно, не сразу увидел меня. Мои руки сами вскинули автомат и выпустили в упор длинную – слишком длинную – очередь. Немец подломился и осел на крыльцо, но за ним сразу же появились еще трое. Не зная, как спастись, я вдоль стены отскочил назад, в горницу, и тотчас из двери сверкающим блеском ударило синеватое пламя, длинная очередь прошла по соломе, по Хозяинову, осыпала пулями стены. Не целясь, наугад, я такой же очередью запустил из-за косяка навстречу, в сенях кто-то сдавленно вскрикнул и умолк. Я понимал, что остались последние мои секунды, и в короткую паузу между очередями боком подскочил к окну. Тут меня легко можно было расстрелять из двери, но они не стреляли – они метнули гранату. Ударившись о голую стену, прежде чем разорваться, она отлетела к порогу, а я вскочил на ящик под окном и ударом сапога высадил раму.

Выпрыгнул за секунду до взрыва. Обсыпанный соломенной трухой, поднялся с колен у завалинки и что было сил пустился в поле, где врассыпную по снегу бежал мой взвод. Многие были уже далеко, иные только еще выскакивали из-за сараев, а вслед нам стегали зеленые молнии трасс. На бегу я оглянулся – возле крайнего от леса сарая, изрыгая огонь, стояли два черных бронетранспортера, пехота из которых уже занимала хутор.

3

Мы собрались в реденькой молодой посадке у дороги, откуда несколько часов назад атаковали и где оставались в снегу наши вырытые утром окопчики. Немцы нас не преследовали, видно, целью их контратаки был хутор, который теперь, в наступившей ночи, полыхал за полем неистовым на ветру пламенем. Где-то там же остались и бронетранспортеры. Их крупнокалиберные пулеметы время от времени сыпали в нашу сторону огненные светляки трассирующих очередей.

Автоматчики затаились в своих окопчиках, многие из которых теперь оставались пустыми. Я послал Маханькова сосчитать, сколько уцелело из взвода, и тогда оказалось, что мы потеряли в этом злополучном бою восемь человек – ровно одну треть. Четверо погибли на хуторе, двое остались в поле, двое легкораненых ушли по дороге в тыл. Самая тяжкая для меня потеря, разумеется, был мой помощник сержант Хозяинов.

Ошеломленный случившимся, не в состоянии унять нервной внутренней дрожи, я прислонился плечом к тонкому деревцу над окопчиком и сидел так, поглядывая в поле. После всего, что произошло, лезть в укрытие, прятаться было противно. Очереди с хутора теперь не пугали меня, кажется, я уже окончательно излечился от страха. Я все чего-то не мог понять, в чем-то не мог разобраться, я не знал, как все это случилось и кто виноват. Я только чувствовал: надо немедленно что-то делать, чтобы исправить положение. Но в то же время было совершенно понятно, что против двух бронетранспортеров с их крупнокалиберными пулеметами мы бессильны. В этот момент я не думал о собственной безопасности. Та схватка на хуторе почему-то не казалась мне чересчур страшной, я просто плохо помнил ее, все

Утро вечера мудренее. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru происходившее было словно в тумане и вспоминалось будто спросонок. Я проклинал коварство врага, водку, сгубившую Хозяинова, свою столь непростительную беспечность. Маханьков, судя по его убитому виду, не меньше меня переживал наше несчастье, молча сидел рядом. Каким-то чудом ему посчастливилось выскользнуть из этой переделки, и теперь он, словно чувствуя какую-то свою вину, старался держаться ко мне поближе.

– Вот полыхает!

Да, хутор полыхал, словно цистерна с бензином, и мы, будто замороженные, уныло глядели на огонь, в котором теперь догорал наш Хозяинов. Но что мы могли сделать?

– И откуда они прорвались? Из-за бугра, что ли? Их из села ждали, а они из-за бугра, – притишенным голосом, все еще удивляясь, говорил Маханько». Я рассеянно слушал его, терзаясь от собственных мыслей, когда в дальнем конце канавы послышался голос. Вскоре он повторился ближе, – похоже, звали меня.

– Что такое?

– Товарищ лейтенант, там зовут.

– Кто зовет?

Боец в соседней ячейке, передавший мне это, однако, смолк, повернув голову к дороге. В ночных сумерках угадывалось движение нескольких теней, кажется, они направлялись сюда.

– Где командир взвода?

Молча я вскочил на ноги и взбежал на дорогу, во все глаза вглядываясь в серый полумрак ночи. Конечно, я уже знал, кто это, и сердце мое сжалось в предчувствии и еще худшего.

Командир полка Воронин, завидя меня, остановился в некотором отдалении, и я, подбежав, молча замер напротив. Нетрудно было догадаться, какое дело привело майора во взвод автоматчиков, но слов для оправдания у меня не было и я не старался найти их.

– Почему сдали хутор?

Судорожно сжимая ремень автомата на плече, я молчал. Что я мог сказать ему? Разве он сам не видел с НП, что происходило на этом хуторе?

– Я спрашиваю, почему сдан хутор?

– Бронетранспортеры, товарищ майор...

– Плевать мне на бронетранспортеры! Почему сдан хутор?

Конечно, мои объяснения ему ни к чему – ему нужен был хутор, а не мои оправдания. И я замолчал, готовясь принять любое наказание, которого теперь заслуживал. Но майор угрюмо молчал. Над полем с хутора взвилась ракета, в вышине она распалась на три, звездное небо вспыхнуло синевато-дымчатым отсветом. Нас могли обнаружить тут, но майор даже не пошевелился, снедая меня злым, нахмуренным взглядом. Потом он вскинул руку и, тыча ею в поле, ледяным голосом объявил:

– Чтоб вы мне к утру его взяли!!

Я молчал. Я смотрел на его сутулую, затянутую поверх полушубка ремнями фигуру, и в этот момент для меня уже не существовало в мире ничего, кроме его гневной власти.

– Вы поняли? – не услышав полагающегося ответа, повысил голос командир полка.

– Понял, товарищ майор.

– Не возьмете к восьми ноль-ноль, я вас расстреляю вот тут же, из этого вот пистолета.

Он выдернул из расстегнутой кобуры свой черный ТТ и легко помахал им у меня перед носом.

– Есть! – сказал я. Голос мой при этом дрогнул в совершенной растерянности.

– Вот так! В восемь ноль-ноль. Запомните.

Да, я запомнил. Я еще плохо понимал все последствия этого предупреждения, но названный срок я запомнил. Весьма безрадостный смысл этих слов медленно доходил до моего сознания, и когда командир полка с двумя автоматчиками далековато уже отошел по дороге, я все еще стоял на месте, изо всех сил стараясь сообразить, что делать.

Над полем опять взвилась ракета, затем, когда она догорела, засветилась вторая – в дрожащем ее свете под звездами ярко обозначился изогнутый, расползающийся на ветру след первой. Тотчас стремительные нити трасс засверкали от хутора, вонзаясь в насыпь дороги и рикошетами пыряя из-под снега в стороны – в тут же сомкнувшийся мрак ночи.

– Товарищ лейтенант!..

Меня звали, за меня тревожились, и я словно в полусне спустился в свой узкий окопчик под деревцем. Возле, ее занимая его, лежал на боку Маханьков. Вскоре откуда-то из цепи подбежал и упал рядом Гринюк, единственный уцелевший во взводе командир отделения. Оба молчали, наверное ожидая, что скажу я. Но я тоже молчал.

Утро вечера мудренее. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
К тому красноречивому разговору с командиром полка, который они все слышали, добавить мне было нечего.

Тем временем ночь прояснела, тучи в небе проредились, и в их рваных просветах появилась луна. Немцы еще выпустили длинную очередь трассирующих, на этот раз гораздо правее взвода, в направлении высоты, куда отправился командир полка.

– Колготится фриц, – сказал Гринюк. – Дрейфит, видно.

Маханьков промолчал, я тоже. Некоторое время все мы сидели молча, но я знал, что оба они сочувствовали мне и, наверное, хотели утешить. Однако утешение сейчас не имело смысла, и бойцы, пожалуй, сами отлично понимали это.

– Пока суд да дело давайте перекусим, – сказал Гринюк. Достав из кармана, он протянул мне горсть чего-то съедобного.

– Что это? А-а-а...

– Галеты, товарищ лейтенант. Маханьков, дай-ка флягу.

Маханьков с готовностью подал флягу, и я, почти недоумевая (какая фляга, зачем фляга?), словно пробуждаясь от скверного сна, взял ее. Это была знакомая, недоброй памяти стеклянная фляжка, и в ней весомо, словно живое существо, с тихим плеском шевелилось поллитра водки.

– Выпейте, лейтенант, – как-то просто, по-домашнему сказал Гринюк. – Для сугреву не помешает.

Я подержал флягу в руке, подумал и выдернул резиновую пробку. Водка была дьявольски холодная и горчила во рту, более чем на три глотка у меня не хватило дыхания. Потом, пока я с внезапно пробудившимся аппетитом жевал скрипучую галету, глотнули понемногу Гринюк с Маханьковым.

– Вот хорошо! Сугревнее стало. А то ночка не мамочка.

Действительно, стало будто немного теплее, а главное, как-то бодрее, тягостная пелена медленно сползла с души, и моя большая беда стала понемногу убывать.

– Гринюк, как у вас с патронами?

– С патронами? А ничего. Есть патроны.

– Маханьков, передай по цепи флягу. Каждому – один глоток.

Маханьков поднял голову, будто чего-то не понимая, и я настоял.

– Передай, передай! И – подготовиться к атаке!

– Сейчас? – удивился Гринюк.

– Да, сейчас.

Гринюк помолчал, дожевывая галету, посмотрел в поле. Хутор догорал, пятно освещенного пространства возле него сузилось, пламя заметно поникло, и все пожарище распалось на несколько тусклых, непрерывно искрящих на ветру очагов.

– Не спешите, лейтенант. Не надо спешить. Зачем?

– Как зачем?

Гринюк завозился на снегу, высморкался, утерся рукавицей и с явным неодобрением шумно вздохнул. Меня же то ли от водки или оттого, что я только сейчас начал осознавать свою незавидную перспективу, начала расpirать неумемная жажда действия. Хотелось немедленно куда-то бежать, что-то делать, кажется, я начинал чувствовать в себе решимость и нашел силу противостоять беде. Гринюк же, судя по всему, относился к этому иначе.

– Подождем. До утра целая ночь.

– Ну и что? За ночь хутор ближе не станет. Маханьков, беги, узнай время.

Маханьков, пригнувшись, шмыгнул в канаву и побежал к бойцу Бабкину, у которого были часы. Гринюк, задрвав подбородок, поглядел в небо, где время от времени выскальзывал из-под ключев облаков почти правильный диск луны.

– Хотя б это бельмо скрылось. А так...

– Наплевать!.. Сколько, Маханьков?

– Двадцать минут первого, товарищ лейтенант, – подходя, ответил Маханьков и опустился на одно колено.

Я поднялся из окопа.

– Так. Приготовиться к атаке! Дозарядить магазины! Приготовить гранаты!

4

Я с трудом набрался терпения, чтобы не поднять взвод немедленно, кое-как выждал около получаса и тогда с застучавшим сердцем вышел из окопчика. Рядом сразу же вскочил Маханьков, потом поднялись остальные, и едва различимая в сумерках цепь двинулась по снежному насту к хутору.

Хутор уже почти догорел, и только несколько огоньков слабо мерцало в сумраке на самом краю поля. Я пристально вглядывался в этот край, ибо от того, заметят нас или нет, прежде чем мы сблизимся на короткий бросок, зависело для меня все. Мне казалось, что, прежде чем немцы спохватятся, взвод успеет одолеть хотя бы половину поля, остальное, разумеется, придется преодолевать под огнем. Конечно,

Утро вечера мудренее. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru это было не самое лучшее, но другого способа вернуть хутор я не находил. Впрочем, в одном нам как будто бы повезло, – луна опять скрылась за густой наволочью облаков, и ночь заметно стемнела.

Под сапогами и валенками тихо поскрипывал снежный морозный наст, холодный несильный ветер обжигал лица. Я очень спешил и то широким шагом, то бегом все дальше уводил взвод от дороги. Было темно и тихо. Конечно, в конце концов немцы должны были повесить ракету, я ждал ее, чтобы, не медля ни секунды, залечь, пока она еще будет на взлете. Но их почему-то взлетело сразу три. Предчувствуя недоброе, я тут же распластался на снегу, рядом попадали бойцы, и только на правом фланге кто-то непростительно замешкался

– длинная тройная тень его предательски заметалась по нещадно освещенному полю.

Ракеты не успели догореть, как из-за хутора стремительно взвились еще три, и тут же призрачное в их свете пространство над головами пронзили первые трассы. Очереди вылетели из одного места, немного левее хутора, потом в воздухе к ним присоединились другие, послышался треск пулеметов, и в глухой тиши ночи поднялся такой тарарам, какого, казалось, не было днем, когда наступал полк.

Я вслух выругался, вжался в снег, почти физически ощущая, как мое возбуждение и моя решимость оборачиваются мстительной злой безысходностью. Было ясно, что замысел мой разлетелся вдребезги, наступать под таким огнем было сумасбродством.

Уткнув подбородок в снег, я мучительно соображал, что делать. В глубине души недолго пожила и пропала робкая надежда на то, что это так, что немцы подняли такую стрельбу для острастки, что нас они не заметили. Думалось, а вдруг все стихнет. Но нет. Сотни огненных стрел, обгоняя друг друга, скрещиваясь и расходясь, стремительно неслись в нашу сторону, ударялись о снег, изломав траекторию, взлетали снова. В небо под облаками беспрерывно взмывали ракеты, и было видно, как ветер медленно раскручивает на небосклоне затейливую вязь их дымных хвостов.

От такого уничтожающего огня нас спасало лишь расстояние. Все-таки взвод находился не менее чем в километре от хутора и потому рассеивание их очередей было огромное. По сути, немцы сыпали ими по всему полю.

Повернув голову, я осмотрел свой взвод. Неровная его цепь, замерев, лежала под сверкающей пляской огня, казалось, ни одним движением не выдавая себя в этом поле. Но теперь эта его неподвижность уже не была преимуществом – нас наверняка обнаружили. Видимо, надо было подавать команду на отход.

Однако я медлил. Я ждал, все еще надеясь на что-то неожиданное как чудо. Вдоль цепи, грудью разрывая снег, полз Гринюк. Я видел его, но сержант, прежде чем заговорить, тронул меня за сапог и сквозь грохот и треск прокричал:

– лейтенант! Почему лежим? Командуйте по-пластунски вперед!

«Спасибо, Гринюк», – подумал я. А то мне показалось, что он приполз не за тем. Доведись воевать, взял бы его на место Хозяинова. А так... Впрочем, куда тут вперед?

– Раненых много?

– Да вроде не-ет! Давайте вперед! Замерзаем!

– Видишь, что делается?

– А! Была не была. Все одно заметили.

Да, конечно, заметили, теперь спуску не будет. Теперь уж можно сблизиться в открытую. Только что мы сделаем, сблизившись? Уложить пятнадцать человек при таком огне с близкого расстояния – дело пяти минут. Загублю взвод и сам лягу. Нет, так не годится.

Но тогда как же быть?

Ракеты над полем светили без перерыва. Только начинала угасать одна – немедленно в задымленное небо взмывала следующая. Ночь наполнилась стоголосым грохотом выстрелов и сумасшедшей огненной пляской в воздухе, утихомирить которые у нас не было средств. Взвод был обречен. Единственное спасение было там, сзади, в реденькой молодой посадке, где осталась наша канава. Она, конечно, укроет, она спасет взвод, кроме меня. Мне места там нет – там моя гибель.

Но что ж, видать, такова судьба!

Сглотнув застрявший в горле комок, я скомандовал по цепи отход.

5

И вот мы снова в наших растоптанных снежных окопчиках и ждем теперь уже недалекого утра.

Немцы молчат. Ночь утихла, все вокруг замерло. С вызвездешего неба ярко светит луна, окончательно хороня мои последние надежды как-нибудь выбраться из этой беды.

Утро вечера мудренее. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
До рассвета остался час. Маханьков только что сбежал к Бабкину и, сообщив эту безрадостную весть, уныло опустил на край моего окопчика.

С неизбежной тоской в душе я глядел в серебристое от лунного света поле, и мысли мои были далеки от этого злосчастного хутора, который слабо поблескивал вдали двумя затухающими огоньками, от канавы с пятнадцатью автоматчиками и дороги, на которой мне так скоро предстояло закончить жизнь. Думал я как раз об этой своей такой неудавшейся жизни.

Дурак, пентюх и обормот! А еще столько мечтал о подвигах! Зубрил в училище уставы, тянулся по службе, получил отличные характеристики. Экзамены сдал на пятерки. Выпустили по первому разряду с правом досрочного присвоения очередного воинского звания. К чему теперь эти права и это мое первое, оно же ставшее последним звание? Расстреляют, как собаку, за невыполнение боевого приказа, как нарушителя дисциплины и военной присяги. И поделом.

– Вот так, Маханьков!..

У меня это вырвалось вслух, и Маханьков зябко поежился под свою измятой, не шибко теплой шинелькой, трудно, продолжительно вздохнул.

Да, через час меня расстреляют, я это знал определенно, но совершенно не мог представить себя убитым. Чего-то во мне не доставало для этого – воображения, что ли? Или, может, достаточной уверенности в грозной решимости командира полка. Как будто застрелить человека на войне бог весть какое сложное дело. И тем не менее именно эта неспособность ощутить смерть, как ни странно, наполняла меня неосознанным, почти инстинктивным чувством бессмертия. Казалось, командир полка грозился не мне. И хутор сдавал не я. Расстрелян тоже будет кто-то другой, потому что просто немыслимо убить меня. Ведь я же – вот он, живой!

Но нет, думал я, все это ерунда, конечно. Чуда ждать не приходится, время не остановишь. Да и Маханьков, наверно, отлично сознавал мою незавидную участь, своим скорбным видом свидетельствуя свое сочувствие, от которого, впрочем, мне не становилось легче.

А вот Гринюка, кажется, это мало заботило. Видно, тяготясь одиночеством на своем не таком уж далеком фланге, он пришел к нам по протоптанной над канавой тропе и остановился за спиной Маханькова.

– Какой-то крик там. Слышали?

Я поднял голову, Маханьков тоже насторожился. Минуту мы смотрели на Гринюка, чуть вслушиваясь, но нигде никаких криков не было.

– Там вон, возле пригорочка. Или мне померещилось?

– Будто ничего нет, – сказал Маханьков.

– Ну, померещилось, значит. – Гринюк зябко постучал каблуком о каблук.

– Фляжечку бы для сугреву, а? Маханьков, у тебя там не осталось?

Маханьков удивленно посмотрел на него, не ответив, и тот, видно понял, что заботило нас.

– Бросьте вы унывать, лейтенант.

– Как бросишь! Вон час остался.

– Го! Целый час еще! Целый час – это ого!

Я смолчал. Он меня злил, этот непрощенный оптимист, который, пританцовывая от мороза, нес совершеннейшую, на мой взгляд, чепуху:

– Час – его пережить надо.

– Вы-то переживете.

– Может, да, а может, и нет. На войне оно всяко бывает.

Гринюк потопал еще и опустил на колени у края окопчика. Затем, потирая руки, довольно бодро, с какой-то наигранной легкостью подался к Маханькову.

– Закурим, что ли, парнишка? Чтоб дома не журились?

Я отвернулся. Было почти противно смотреть на это его беспричинное бодрячество, которое коробило меня, издрожавшегося от холода и истерзанного муками этой роковой для меня ночи. А тут еще жутко мерзли ноги, но вставать и греть их нехитрым солдатским способом у меня не доставало сил. Сцепив озябшие руки в рукавах, я тоскливо смотрел в ночные сумерки, куда уходила дорога и где был наш полковой НП. И наверно, поэтому я сразу услышал в той стороне одиночный винтовочный выстрел, звучно грохнувший в сторожкой предутренней тишине. Правда, мое внимание несколько не задержалось на нем: мало ли ночью стреляют на передовой да и в тылу тоже. Но тотчас же торопливо бабахнуло еще и еще. И через секунду затрещало, зашипело, заохало; трассирующие, видно с рикошета, веером разлетелись над пологим бугром.

Маханьков и Гринюк с недовернутыми сигарками недоуменно застыли возле окопа.

– Что такое?

– Обалдели они, там, что ли?

– Часовой, может? С перепугу, – сказал кто-то в цепи.

Нет, пожалуй, это не с перепугу. На случайный переполох это было мало похоже – уж больно остервенело палили автоматы. Грохнул, должно быть, гранатный разрыв, и

Утро вечера мудренее. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
опять – автоматы и редкое важное гроханье винтовок.

– Что за холера?

Гринюк сунул неприкуренную сигарку за отворот шапки и вскочил на ноги.

– Кажись, нелады. Надо б послать кого.

– Давай! Бери отделение – и бегом!

Младший сержант бросился вдоль канавы, а Маханьков, тоже увлекаемый всем случившимся, перескочил окопчик.

– И я?

На секунду он задержался, ожидая моего согласия, но я недолго помедлил

– что-то во мне вдруг воспротивилось его уходу. Наверно, события этой ночи чем-то сблизили нас, и теперь во мне заговорило естественное нежелание остаться здесь без него. Но я вспомнил о неуклонно убывавших минутах моего часа и махнул рукой. Семь человек Гринюка уже выбегали на дорогу, и Маханьков, закинув за плечо автомат, быстро догнал их.

Стрельба тем временем все разгоралась, похоже, действительно в наш тыл шел бой. Где-то за хутором заухали немецкие минометы, тяжелые мины, сотрясая землю, начали рваться в расположении батальонов. Темное небо завывало, зашуршало, задвигалось. Но я все не мог согласиться с мыслью, что сквозь боевые порядки полка прорвались немцы – ведь тогда мы оказывались в полном окружении, а это было похуже всех наших предыдущих бед. В канаве все насторожились, повернулись в окопчиках и, поглядывая по сторонам, вслушивались в загадочное громохание боя.

И тогда на дороге появился боец. В неподпоясанной гимнастерке, с автоматом в руках он был не наш, я сразу понял это и, что-то смекнув, выбежал ему навстречу. Боец, вдруг увидев цепь, закричал, почти завопил, как это возможно, только попал в беду:

– Автоматчики?.. Автоматчики – всем бегом туда! Слышите? Немцы!..

– Где немцы? Откуда немцы? – предчувствуя уже недоброе, сдавленным голосом спрашивал я.

– Командир, да? Начштаба приказал бегом..

Боец вдруг замолчал, будто проглотил слова, и пошатнулся, схватившись рукой за бок. Мы все молчали, а он стал клониться все ниже и ниже; чтобы не упасть, шатко переступил на дороге, проговорив тихо:

– Ребята, бинта..

Кто-то бросился к нему из канавы, а меня в этот миг будто встряхнуло что-то. Сознание враз озарила догадка-надежда, и я даже содрогнулся от мысли, что могу опоздать. Вскочив на полотно дороги, я крикнул взводу: «За мной, бегом!» – и ошалело побежал навстречу визгу, треску и тивканию огня. Он теперь не пугал меня, самое страшное – хутор и дорога – оставались сзади, а смерть там, на НП, мне казалась наградой.

6

Но вот я не погиб, а только ранен и довольно легко – в руку. То, что происходило затем на склоне пригорка с НП, заняло каких-нибудь десять минут и видится теперь мне до мелочей четко и явственно. Оказывается, немцы обходили мой взвод, чтобы ударить нам с тыла, да напоролась в ночи на полковой НП. К счастью, мы были рядом и прибежали на выручку вовремя. Автоматчики ворвались в траншею, когда в ней уже были немцы, в ход пошли гранаты, лопаты, ножи. Восемнадцать немецких трудов осталось на этом бугре. Но перепало и нам.

Когда все было кончено, в траншее на меня наскочил начштаба, он пожал мою здоровую руку и сразу же записал имя-отчество – для наградного листа. Сначала мне показалось, что он шутит, но капитан спросил еще и фамилию того младшего сержанта, отделение которого подбежало к пригорку первым и тем на минуту отвлекло немцев.

– Гринюк была его фамилия, – сказал я.

– Что – тоже?

– Тоже.

Капитан нахмурился, и его химический карандаш твердо хрустнул на полевой сумке. Начштаба выругался.

Теперь я сам не понимаю себя – что-то во мне произошло противоречивое и загадочное. Где-то в глубине души я рад, почти счастлив и в то же время от нестерпимой обиды мне хочется плакать. Я едва сдерживаю свое нетерпение и не нахожу места в этом селе. Я ушел со двора комендантского взвода, где на окровавленной соломе лежат под брезентом Гринюк, Дудченко, Усольцев и Бабкин. Стараюсь не подходить близко к хате с раскиданной взрывом крышей, где застыл на скамье такой отчужденный теперь от всего майор Воронин. Не хочется мне идти и в санитарную роту. Сейчас там завозно, накурено, раненые ждут завтрака, машин из

Утро вечера мудренее. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru медсанбата, а через сени напротив умирает с разорванным животом Маханьков. Говорят, везти его в медсанбат уже нет смысла.

Будь оно все проклято!

К майору у меня, несмотря ни на что, только тихая жалость. К его гибели я непричастен, мы честно старались выручить его на НП, но я все думаю: лучше бы он жил. А вот не расстрелял бы, как ночью грозился. И тут самое скверное в том, что уж никогда и не узнаешь, действительно ли он намеревался исполнить свою угрозу или только хотел попугать. Это уже навсегда останется для меня загадкой.

Машины, судя по всему, будут не скоро. В небе над селом висит невысокое солнце, за лесом, наверное, все на тех же высотах гремит бой. Неизвестно, как сегодня повезет батальонам...

Я медленно бреду по улице и подхожу к школе. На небольшой площадке под окнами четверо моих уцелевших автоматчиков роют могилу. Одну, общую. Сначала командира полка хотели хоронить отдельно, но комиссар сказал: не стоит копать. Да и некому. Всего здоровых у меня осталось семеро – троих отдали на пополнение роты связи, четверо закопают убитых и пойдут в стрелковый батальон капитана Паршина.

По рыхлой осыпающейся земле я взбираюсь на верх глинистой горки и молча гляжу вниз. Ребята, застегнув через плечо поясные ремни, работают в одних гимнастерках. Все молчат, слышно только, как стучат, скрежещут лопаты да устало, рывками дышат бойцы. Из ямы, то и дело осыпая мои сапоги, вылетают сырые комья земли. И я не сторонюсь их – я чувствую к этой могиле какую-то неизъяснимую свою причастность. Наверное, потому, что среди тех, кто скоро ляжет сюда, очень даже возможно, мог бы лежать и я. Судьбе или случаю угодно было распорядиться иначе, и все же какая-то частица моего я будет вечно пребывать тут – с Гринюком, Дудченко, Усольцевым, Бабкиным. И с майором Ворониным тоже.

1967 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://bykovvasil.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!